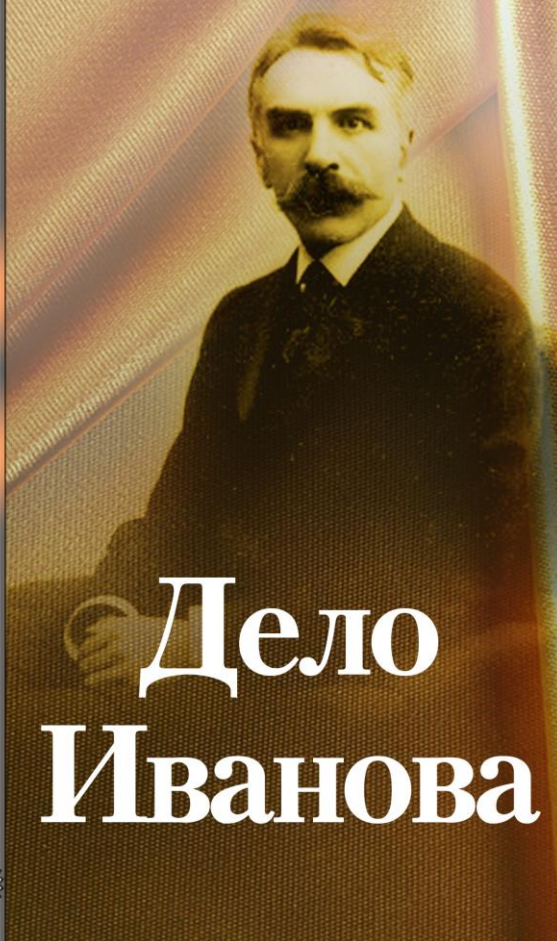

С. А. Андреевский

Дело
Иванова

Аннотация

«Дело Иванова» — одна из записанных судебных речей известного русского юриста XIX ст., Сергея Аркадьевича Андреевского. Он был одним из самых талантливых правоведов и адвокатов эпохи, участвовал в защите народницы и террористки Веры Засулич (1878). Стиль Андреевского уникален для своей эпохи. В центре его внимания — личность подсудимого. Автор тщательно анализирует дело человека, внезапно убившего свою невесту, Настасью Назаренко. Характер, условия жизни, внутренние мотивы преступления подвергаются тщательному и беспристрастному анализу.

Сергей Андреевский

Дело Иванова

Иванову было предъявлено обвинение в том, что 18 февраля 1891 г. он умышленно, но без заранее обдуманного намерения лишил жизни свою невесту А. А. Назаренко, нанеся ей удар ножом в левую сторону груди, от которого последняя сразу же скончалась. Иванов виновным себя признал полностью. Виновность его подтверждалась также многочисленными по делу доказательствами. Однако защита настаивала на переквалификации деяния с формулировки «умышленное убийство» на формулировку «совершено в состоянии запальчивости и раздражения, повлекших невозможность управлять своими действиями». Доказательства для такой переквалификации широко использованы и глубоко проанализированы в защитительной речи. Защищал А. Г. Иванова С. А. Андреевский. Дело слушалось в Петербурге в 1891 году.

* * *

Постараюсь, господа присяжные заседатели, в течение моей защиты показать вам, в чем собственно заключается особенный интерес этого

дела. А теперь прежде всего я желал бы пойти навстречу вашему состраданию к убитой и ни в чем не разойтись с вашими чувствами. Действительно, сердце переворачивается, когда вспомнишь об этом ужасном убийстве молодой женщины. Мы знаем о покойной, что это была молодая, миловидная мещаночка, жившая своей тихой жизнью. Была она горничной, попала в любовницы к женатому буфетчику, родила ребенка, отвезла его в воспитательный дом, причем по дороге сломала себе руку, отлежала в больнице, жила на Пороховых заводах весьма бедно, вместе со своим маленьким братом, любила свою мать и среди своей неказистой жизни сохранила, однако, свежесть, бодрость и ту привлекательность обращения, которые сразу подкупили в ее пользу подсудимого. В эту тихую жизнь вдруг ворвалась бурная личность Иванова — и через неделю со дня первой встречи Настасья Назаренко была уже казнена! Ну, не жестокое ли, в самом деле, это кровопролитие? Да, жестокое, но... и не странное ли в то же время? Во всяком случае мы встречаемся с событием, достойным изучения.

Произошло столкновение двух жизней. О жизни Настасьи Назаренко, кроме того, что мы сказали, кажется, и сказать больше нечего. Но жизнь и личность Иванова гораздо сложнее. Если, по нашему мнению, его расправа с покойной

Настасьей была неизмеримо суровой и произвольной, то почему же, спрашивается, он так легко пошел на эту расправу? Вот в этом-то и заключается особый интерес этой любовной драмы. Здесь как будто доведено до величайшей чистоты кровавое право нашего времени: «Не любишь меня, как я того желаю, — так отправляйся же на тот свет». Иванов даже так и сказал, вонзая нож в Настасью: «Так умри же несчастная!». И быстрота всей трагедии поразительная: всего только неделю знаком с женщиной, еще и не обладал ею и — уже убил!

Личность подсудимого глубоко поучительна. Он находится как раз на той любопытной грани между нормальным и ненормальным человеком, на которой все заблуждения страстей обыкновенно получают свое самое сильное и яркое выражение. Он будто целиком взят из самых странных романов нашей эпохи: в нем есть и карамазовская кровь, есть большое сходство с Позднышевым из «Крейцеровой сонаты», он отчасти сродни и много думающим жуирам, постоянно изображаемым французскими писателями. Самая его фамилия «Иванов», подобно заглавию чеховской комедии, будто хочет сказать нам, что таких людей много расплодилось в наше время. Иванов, хотя и военный писарь, но человек с большой начитанностью; он пишет свои показания очень

литературно, без всяких поправок и без малейших ошибок — даже в знаках препинания, так что это соединение простого звания с образованностью помогает раскрытию типичности Иванова: в нем есть и стихийная сила и развитая мысль. Какой же он человек?

Вы видите его наружность. Хотя ему уже 27 лет, но он чрезвычайно моложав и миниатюрен. Он смотрит красивым мальчиком. Черты лица у него тонкие и правильные, но в его круглых глазах, большей частью серьезных, мелькает беспокойный огонек блуждающей мысли. По роду своих занятий он имел когда-то хорошую карьеру — был старшим писарем штаба, но затем сбился с дороги, за беспутство потерял службу и в последнее время был слесарем на Пороховых заводах.

Обвинению, по-видимому, чрезвычайно нравится идея представить Иванова ни более, ни менее, как узким материалистом, плотоугодником, — «человеком-зверем». Приводятся случаи, что он пьянствовал, картежничал, посещал публичные заведения и даже в сношениях своих с женщинами не брезгал пользоваться от них деньгами. Этот последний намек вызвал целый взрыв негодования со стороны Иванова. Прочитав обвинительный акт, он поторопился в прошение, поданном суду, отстаивать свою «честь» против опозорения его

нравственной личности. И в самом деле, намеки на корыстолюбие Иванова чрезвычайно неудобны. Есть только факты его денежной беспорядочности под влиянием его несчастной наследственной склонности к пьянству. Переписка с прежней невестой Иванова, Кларой, дает прокурору всего каких-нибудь десять случаев, среди 114 посланий, где Иванов просит у Клары большей частью по рублю, редко по 2 и, кажется, всего один раз 3 рубля. В общей сложности едва ли наберется более 15 рублей. Между тем в одном из своих писем и Клара просила Иванова достать ей 10 рублей для ее сестры. Все эти мелочи никуда не годятся для того, чтобы приписать Иванову любовь к деньгам. Тут выходит явная натяжка. Любил бы действительно этот пылкий и умный человек деньги, — не такие бы крохи пришлось прокурору подбирать в его жизни, чтобы подтвердить его корыстолюбие! Нет! Что бы там ни говорили, а Иванов — человек бескорыстный, и в этом уже первый штрих, чтобы усомниться в его приверженности к материальным благам. За деньгами гоняются и деньги добывают всякими путями те любители наслаждения, которые умеют всем наслаждаться без горечи и без раздумья. А Иванов не такой. Его постоянно какой-то червяк гложет. Правда, он человек беспутный. «Поведения всегда был дурного», — говорит он о себе с тоном весьма серьезного